

София Губайдулина: «Человечество может потерять измерение высоты» | Sofia Goubaïdoulina: "L'humanité pourrait perdre le sens du spirituel"

Автор: Надежда Сикорская, [Женева-Люцерн](#) , 31.08.2011.

София Губайдулина в Люцерне, август 2011 года

Выдающийся российский композитор отмечает в этом году свое 80-летие. Как мы уже [писали](#), этому событию посвящен целый ряд концертов и в Швейцарии, в том числе - состоявшееся вчера в Люцерне первое исполнение ее сочинения для двенадцати

виолончелей, "Лабиринт". Нам удалось связаться с Софией Асгатовной по телефону и поговорить и о музыке, и о жизни.

|
La grande compositrice russe fête cette année son 80e anniversaire. A cette occasion, un nombre de concerts aura lieu en Suisse, tout d'abord, la première de sa nouvelle composition, «Labyrinth», interprétée par les 12 violoncellistes des Berliner Philharmoniker au Lucerne Festival. Sofia Goubaïdoulina a parlé de la vie et de la création dans une interview à NashaGazeta.ch.

Sofia Goubaïdoulina: "L'humanité pourrait perdre le sens du spirituel"

Наша Газета. ch: София Асгатовна, начнем с самого актуального - довольны ли Вы тем, как прозвучало в Люцерне написанное Вами сочинение для 12 виолончелей? Поняли ли оркестранты Вашу музыку, которые многие считают трудной для исполнения и восприятия?

София Губайдулина: Довольна! Дело в том, что произведение и было написано специально для этого ансамбля, в составе которого – музыканты оркестра Берлинской филармонии. Я присутствовала на одной их репетиции в Германии – это было потрясающе! Когда я вошла в церковь, где они играли, все звучало великолепно. Я вообще очень люблю виолончель, а на них даже просто смотреть было приятно – все молодые, красивые, рослые... Все они прекрасно выучили свои партии, так что у меня были лишь самые мелкие замечания.

Вас долго не признавали на Родине - не понимали, не хотели понимать, а теперь называют последним великим композитором 20 века. Думаете ли Вы, что эта «полоса отчуждения» позади? Ощущаете ли Вы себя признанной в России? Думаете ли Вы, что присвоение Вам премии «Триумф», например, это действительно признание, или просто уже неловко стало, что во всем мире на Вас сыплются награды, а дома - ничего?

На этот вопрос трудно ответить. Во-первых, надо понять, о ком идет речь – о критиках, публике, людях, имеющих деньги на финансирование культуры? Но в целом у меня складывается впечатление, что «им» хочется сейчас, чтобы русские имена звучали не только во всем остальном мире, но и на Родине. Жаль, что это происходит лишь в конце моей жизни.

(©Archive Sikorski Musikverlage)

Вы пишете музыку уже более 50 лет - великолепное творческое долголетие. Произошли ли за это время какие-то значимые изменения в Вашем методе работы, отношению к сочинению музыки?

Методы имеют разные аспекты. Длительное время я увлекалась тембровыми качествами музыкальной материи, стремилась познать внутреннюю структуру музыкального тембра. Я до сих пор различаю, так сказать, технические свойства музыки и концептуалистские. Стилль же мой, мне кажется, по сути, не меняется.

Я отношусь к тем людям, которые не зависят от внешних обстоятельств, и пытаюсь проникнуть в свой собственный подсознательный мир. Поэтому какие-то политические, экономические и прочие события мало влияют на мою стилистику, на корень звуков. Наверное, это отличает меня от многих моих коллег, которые, под воздействием разных жизненных переживаний, испытывают эстетический перелом и резко меняют направление. Поймите правильно, я не сужу, хорошо это или плохо, это просто такое свойство некоторых людей – зависеть от среды, от событий. Я же всегда была обращена вовнутрь.

В свое время Вы «привлекли» к исполнению Вашей музыки такой нестандартный инструмент как водофон. Вы совсем от этого отошли?

Да, это был единичный случай. Я впервые увидела этот инструмент в Америке, на репетиции оркестра. Вернее, в перерыве, когда все музыканты ушли в буфет или по другим делам. А я как раз очень люблю сидеть в пустом зале, становиться как бы свидетелем подготовки к Музыке. Так вот, на сцене тогда остался только ударник, который и играл на этом невиданном инструменте. Он настолько привлек мое внимание, что, преодолев обычную стеснительность, я подошла и спросила, что это такое. Музыкант все любезно рассказал и даже дал адрес магазина, куда я

незамедлительно отправилась и приобрела сразу два водфона!

Я написала всего одно сочинение, в котором звучит этот инструмент – ради невероятного глиссандо, которое можно из него извлечь: эффект достигается звуком воды, струящейся по специальным стержням...

Однажды после концерта в Мюнхене ко мне подошла прекрасная скрипачка Анн-Софи Муттер и попросила написать что-то для нее и для водфона. Я, конечно, подумаю об этом, но во второй раз сделать это будет очень трудно.

В большинстве Ваших интервью и посвященных Вам статей возникает вопрос пола, то есть подчеркивается, что Вы – одна из немногих женщин в композиторской «братии». Считаете ли Вы, что пол имеет особое значение в творчестве, и еще более конкретно – считаете ли Вы себя феминисткой?

Нет, что Вы! Все эти вопросы пола от меня вообще далеки. На самом деле, в области композиции всегда работало немало женщин, исключением стал 19 век. Известно, что когда Фанни Мендельсон показала своему знаменитому брату свои сочинения, он сразу спросил: «Но что же будет с твоей семьей?».

Почему-то в 19 веке сочинение музыки женщинами было не принято. А 20-й дал такую свободу, и дамы пробовали себя в самых разных областях. Однажды в Чикаго я познакомилась с тремя хрупкими дамами, игравшими на вагнеровских тубах – это было невероятно!

Отдельный вопрос – отношение композиторов-мужчин к своим коллегам-женщинам, но это тоже из области социологии.

Следите ли Вы за творчеством своих коллег – и ровесников, и представителей младших поколений? Привлекло ли чье-то творчество Ваше внимание в последнее время?

(© Sikorski Musikverlage)

Очень трудно в моем возрасте за всем уследить, ведь столько всего происходит интересного и неожиданного! Я еле успеваю решать свои собственные творческие задачи. Но я много слушаю записей, в том числе, и современных авторов.

Вы уехали из России 20 лет назад. Как часто Вы там теперь бываете и какие эмоции при этом испытываете?

Я бываю в России почти каждый год, преимущественно в Москве. Но вот недавно побывала с Валерием Гергиевым и Анн-Софи Муттер в турне: Самара, Казань, Москва, и получила массу впечатлений. По моим ощущениям, Москва проигрывает – население там грубее, что странно. На Волге я себя чувствовала прекрасно – приветливые люди, природа... Но, наверно, нужно провести там больше времени, чтобы действительно понять, что происходит. Казань – богатый город, но население еще не испорчено цивилизацией.

Вообще, на мой взгляд, цивилизация «грубит» людей, в контакте с нею человек что-то теряет, за любой шаг в сторону цивилизации нам приходится расплачиваться.

В интервью пятилетней давности Вы сказали, что мы живем в страшное время, когда цивилизация съедает культуру. Я вижу, что Ваш взгляд с тех пор не стал оптимистичнее?

Нет, не стал, и нет на то причин. Я наблюдаю, как происходит машинизация людей, и это очень опасно.

Как и все люди моего поколения, я, конечно, смотрела и мультфильм «Маугли», и фильм «Чучело», к которым Вы написали музыку. Были это просто работы на заказ, или Вас тронули темы детеныша, счастливо растущего среди зверей, и детеныша, травмированного подобными?

Действительно, это был заказ, выполнение которого было способом физически выжить. Разница между сочинением музыки вообще и музыки для кино – огромная, но счастье, когда тема, над которой ты работаешь на заказ, находит отклик в твоей душе, как и было, Вы правы, в обоих этих случаях. И при этом надо понимать, что, не будь у меня острой жизненной необходимости, – этой музыки не было бы.

На самом деле, все к лучшему, так как этот опыт был для меня крайне полезной композиторской практикой, возможностью открыть для себя мир кино, работать с исполнителями. Плюс, в те времена государство охотно оплачивало любые оркестры, и в этом было, разумеется, огромное преимущество.

Вы говорили о роли религии в Вашей жизни и творчестве еще во

(©The Japan Arts Association)

времена, когда это не стало модой. Что Вы думаете о все более активном участии церкви в жизни российского общества сегодня?

На мой взгляд, происходит катастрофа. Я не раз разговаривала со многими религиозными людьми, живущими в России, и они говорили мне, что церковная жизнь стала невыносимой, что слишком много вранья, их отношение к институту Церкви теперь резко негативное.

Человечество теряет свой духовный корень, оно может потерять измерение высоты, без которого ни человек вообще, ни тем более искусство не могут жить. Мы рискуем остаться на плоском пространстве...

И все же, если хотя бы 50% людей, приходящих сегодня в России в церковь, делают это искренно, может быть, есть надежда?

Как известно, Россию покинули не только Вы, но и многие другие композиторы, дирижеры, исполнители и педагоги. Увы, этот процесс продолжается, причем, если раньше уезжали люди, уже чего-то добившиеся, то теперь «исход» начинается уже со студенческой статьи. Дирижеры жалуются, что некого брать в оркестры. Есть ли у Вас рецепт, представление о том, как выйти из ситуации, которая становится драматической?

Вы правы, ситуация драматическая, но рецепта у меня, увы, нет. Думаю, главная проблема – социальное неблагополучие. Если эта проблема не будет решаться, а социальные отношения – налаживаться, то молодежь и дальше будет уезжать. И это ужасно, тем более, что в России столько богачей, которые могли бы поддержать культуру. Но это богатство, наше культурное богатство, теряется...

В этой связи, и возвращаясь к Вашему раннему вопросу о современных композиторах,

я могу сказать, что моим молодым коллегам приходится труднее, чем было мне – ведь их постоянно убеждают в том, что они никому не нужны. А это для творческого человека настоящая трагедия.

Да, я платила в свое время жизнью впроголодь – но разве это большая цена, если ты уверен, что нужен?

Недавно я разговаривала на эту тему с профессором Гнесинской академии Владимиром Тонхой, одним из тех, кто не уехал. По его мнению, единственная возможность препятствовать этой тенденции – продолжать качественно учить людей. Пожалуй, я с ним согласна.

И при этом во всем мире сейчас россияне обогащают цивилизацию, не только в музыке, но и в математике, в медицине. Жаль, что собственная нация не дает своим талантливым людям таких возможностей.

Вы живете в небольшом городке, довольно уединенно. Чем, помимо музыки, наполнены Ваши дни?

К сожалению, не хватает времени на что-то еще – музыка существо ревнивое, не хочет с кем-то делиться. Хотя много есть книг, которые хочется прочитать, записей, которые хочется прослушать... Но приходится отказываться. Последние 20 лет жизни в не городке даже, а в деревне, были райскими: одиночество и тишина, природа, цветы...

От редакции: Напоминаем, что 10 и 11 сентября музыку Софии Губайдулиной можно будет услышать в [Церматте](#), а 21 ноября - в Лозаннской консерватории.

[русская музыка](#)

[памятники культуры](#)

[достопримечательности швейцарии](#)

Статьи по теме

[В Церматте отметят юбилей Софии Губайдулиной](#)

Source URL: <http://www.nashagazeta.ch/news/12210>